Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики

КАПИНУС Оксана Сергеевна, ректор Университета прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор, профессор РАН
Россия, 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2
E-mail: rector@agprf.org

В статье отмечается, что конструирование составов преступлений с использованием административной преюдиции дает ряд неоспоримых преимуществ: увеличивает профилактический потенциал соответствующего уголовно-правового запрета; повышает гибкость и адаптивность правовой охраны интересов личности, общества и государства; предоставляет законодателю более широкие возможности в плане межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности; позволяет законодателю осуществлять «мягкую» криминализацию деяний, соблюдая принцип экономии уголовной репрессии, а также декриминализацию деяний, не представляющих значительной общественной опасности.

На основе анализа судебной практики доказано, что преступления с административной преюдицией нельзя рассматривать как механическое объединение двух административных правонарушений. При использовании анализируемой юридической конструкции первое административное правонарушение характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления — его административную наказанность.

Анализируя законодательные просчеты, допущенные при конструировании составов преступлений с административной преюдицией, автор подчеркивает, что они не умаляют несомненных достоинств этой юридической конструкции. Административная преюдиция при умелом ее использовании — весьма эффективный инструмент, обеспечивающий согласованное действие смежных предписаний деликтного административного и уголовного права, позволяющий осуществлять «точечную», адресную профилактику противоправного поведения, и поэтому он должен занять достойное место в арсенале технико-юридических средств реализации уголовной политики.

Ключевые слова: административная преюдиция, преступления с административной преюдицией.

Для цитирования: Капинус О.С. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78—86. DOI: 10.12737/jrl.2019.6.8

Administrative Prejudice in Criminal Law: Problems of Theory and Practice

O.S. KAPINUS, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow 117638,
Russian Federation
E-mail: rector@agprf.org

The article notes that the design of corpus delicti using administrative prejudice provides a number of indisputable advantages: it increases the preventive potential of the corresponding criminal law prohibition; increases the flexibility and adaptability of the legal protection of the interests of individuals, society and the state, provides the legislator with greater opportunities in terms of inter-sectoral

differentiation of criminal and administrative responsibility; allows the legislator to carry out the “soft” criminalization of acts, while respecting the principle of economy of criminal repression, as well as for the decriminalization of acts that do not pose a significant public danger.

Based on the analysis of judicial practice, it is proved that crimes with administrative prejudice cannot be considered as a mechanical combination of two administrative offenses. When using the analysed legal construction, the first administrative offense characterizes not the objective side of the crime, but the specific status of the subject of the crime — its administrative punishment.

Analysing the legislative miscalculations made in the construction of corpus delicti with administrative prejudice, the author emphasizes that they do not detract from the undoubted merits of this legal construction. Administrative prejudice — skilfully used — is a very effective tool that ensures the coordinated effect of related prescriptions of tort administrative and criminal law, allowing for the implementation of “targeted”, addressed prevention of unlawful behaviour. That is why it should take a worthy place in the arsenal of technical and legal means of implementing criminal policy.

Keywords: administrative prejudice, crimes with administrative prejudice.

For citation: Kapinus O.S. Administrative Prejudice in Criminal Law: Problems of Theory and Practice. *Zhurnal rossijskogo prava* = *Journal of Russian Law*, 2019, no. 6, pp. 78—86. (In Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2019.6.8

В последние годы российский законодатель проявляет достаточно высокую активность в сфере уголовного правотворчества. В поиске эффективных инструментов уголовно-правового противодействия преступности он конструирует новые нормы, корректирует традиционные институты, «реанимирует», казалось бы, позабытые уголовно-правовые конструкции. К числу последних относятся составы преступлений с административной преюдицией, посредством которых устанавливается ответственность за повторное совершение административного правонарушения лицом, административно наказанным за ранее совершенное аналогичное правонарушение.

Впервые эта юридическая конструкция была использована в Уложении о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., в отдельных статьях которого установлена уголовная ответственность за нарушение в третий раз специальных правил. В советском уголовном праве (УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК РСФСР 1960 г.) подобный способ конструирования составов преступлений получил широкое распространение. Так, УК РСФСР 1960 г. предусматривал свыше 15 составов с административной преюдицией, которые устанавливали ответственность за имуще-

ственные, хозяйственные, экологические, транспортные преступления и преступления против порядка управления.

Составы преступлений с административной преюдицией долгое время не вызывали особых возражений ученых и практиков, однако в 70–80-е гг. прошлого века в период усиления внимания к правам человека и гражданина появились публикации, в которых содержалась резкая критика административной преюдиции. Под влиянием этой критики в период разработки и принятия Уголовного кодекса РФ 1996 г. законодатель отказался от использования административной преюдиции для конструирования уголовно-правовых запретов.

Впрочем, отказ от этой уголовно-правовой конструкции оказался недолгим. В 2009 г. Президент России Д.А. Медведев в послании Федеральному Собранию РФ¹ призвал законодателей шире использовать административную преюдицию в уголовном законе. Эта уголовно-политическая установка начала реализовываться в 2011 г. В частности, Федеральным законом от 6 апреля 2011 г. № 66-ФЗ в УК РФ была включена ст. 314¹, предусматривающая ответственность за неодно-

¹ См.: Российская газета. 2009. 13 нояб.

кратное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений (ч. 2 указанной статьи). Впоследствии с использованием административной преюдиции были сформулированы еще 12 составов преступлений: нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 116¹ УК РФ); розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции (ст. 151¹ УК РФ); неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ); мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 158¹ УК РФ); незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции (ст. 171⁴ УК РФ); неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования (ст. 212¹ УК РФ); самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам (ч. 1 ст. 215³ УК РФ) или магистральным трубопроводам (ч. 2 ст. 215³ УК РФ), совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние; незаконное проникновение на охраняемый объект (ст. 215⁴ УК РФ); нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию (ст. 264¹ УК РФ); возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ч. 1 ст. 282 УК РФ); осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности (ст. 284¹ УК РФ); неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта (ч. 1 ст. 315 УК РФ).

В уголовно-правовой науке воз-
рождение института администра-

тивной преюдиции было воспринято неоднозначно. Одни специалисты выступили с критикой этого законодательного решения, другие, напротив, поддержали возвращение административной преюдиции в уголовное право.

Противники использования административной преюдиции указывают: эта конструкция нарушает конституционный запрет на повторное осуждение за одно и то же преступление²; институт административной преюдиции размывает границы между преступлением и административным правонарушением, между уголовным и административным правом³; административное правонарушение, сколько бы оно ни повторялось, не приобретает сущностных, материальных свойств преступления, оставаясь административным проступком⁴; рассматриваемая конструкция снижает уровень защиты прав граждан, поскольку привлечение к административной ответственно-

² См., например: Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10. С. 71; Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 164—165.

³ См.: Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1. С. 48—53.

⁴ См.: Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982. С. 11—12; Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2. С. 62—68; Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5. С. 50—53.

сти, которое является обязательным признаком состава преступления с административной преюдицией, осуществляется в упрощенном порядке⁵.

По истечении восьми лет с момента возрождения института административной преюдиции в уголовном праве можно утверждать, что вышеизложенные опасения не подтвердились. Конституционный Суд РФ признал, что эта юридическая конструкция не нарушает конституционные права и свободы граждан, соответствует общим принципам юридической ответственности и конституционным требованиям к содержанию уголовно-правовых норм. Оценивая конституционность ст. 212¹ УК РФ, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что «федеральный законодатель правомочен прибегать к институту уголовной ответственности... и в тех случаях, когда противоправное деяние совершается лицом, ранее уже подвергавшимся административно-деликтному преследованию и наказанию за аналогичные деяния, т. е. имеющим специальную административную наказанность, используя в указанных целях так называемые составы преступлений с административной преюдицией». В обоснование этого вывода Суд указал, что «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкупе с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности при-

ближаются к уголовно наказуемым деяниям и при определенных условиях способны причинить серьезный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона»⁶.

Полностью поддерживая вышеизложенную правовую позицию, отметим, что конструирование уголовно-правовых запретов с использованием административной преюдиции дает ряд неоспоримых преимуществ.

Прежде всего отметим, что административная преюдиция резко повышает профилактический потенциал соответствующего уголовно-правового запрета. Лицо, привлеченное к административной ответственности, достоверно знает о наличии у него статуса административно наказанного лица и может прогнозировать юридические последствия совершения повторного аналогичного правонарушения, осознает возможность применения к нему уголовной репрессии. С таким четко определенным, адресным превентивным воздействием вряд ли могут конкурировать иные уголовно-правовые запреты.

Институт административной преюдиции повышает гибкость и адаптивность правовой охраны интересов личности, общества и государства, предоставляет законодателю более широкие возможности в плане межотраслевой дифференциации уголовной и административной ответственности. Эта юридическая конструкция позволяет законодателю осуществлять «мягкую» криминализацию деяний, соблюдая принцип экономии уголовной репрессии.

Весьма показательной в этом отношении является ситуация с корректировкой границ административной и уголовной ответственности за управление автомобилем или

⁵ См.: Безверхов А.Г. Указ. соч. С. 52—53.

⁶ Постановление КС РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П по делу о проверке конституционности положений ст. 212¹ УК РФ.

другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения. Как известно, в отечественном законодательстве это деяние традиционно расценивается как административное правонарушение. Ученые и практики неоднократно призывали законодателя предусмотреть за управление механическим транспортным средством в состоянии опьянения уголовное наказание, ссылаясь на высокую общественную опасность этого деяния и зарубежный опыт его криминализации. Однако законодатель подошел к решению этого вопроса более взвешенно. С использованием административной преюдиции он установил в ст. 264¹ УК РФ (введена Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ) уголовную ответственность за совершение соответствующего административного правонарушения лицом, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 либо ст. 264¹ УК РФ.

В этом случае изменение отраслевой противоправности «пьяного вождения» осуществлено наименее репрессивным способом — криминализации подверглись не все указанные деяния (они остались административными проступками), а только те, которые совершены лицом, не желающим реагировать на примененное в отношении него административное наказание. Административная преюдиция позволила осуществить точечную корректировку границы между административным правонарушением и преступлением, перевести в сферу действия уголовного права лишь злостное нарушение правил дорожного движения. Таким образом, админи-

стративная преюдиция становится незаменимым средством дифференциации уголовной и административной ответственности в «пограничных» случаях, когда сложно провести четкий «водораздел» между преступлением и административным проступком.

В теории уголовного права сформировалось устойчивое мнение, что административная преюдиция — это атрибут репрессивной уголовной политики, специфическое средство криминализации деяний. Однако подобные представления не соответствуют действительности, поскольку рассматриваемая юридическая конструкция может использоваться не только в целях криминализации, но и для частичной декриминализации деяний. В частности, посредством административной преюдиции были частично декриминализованы:

побои без хулиганских и экстремистских мотивов, которые стали расцениваться в качестве преступления лишь при условии их нанесения лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ст. 116¹ УК РФ, введена Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ);

злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Статья 157 УК РФ (в ред. Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ) предусматривает ответственность за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей, если это деяние совершено неоднократно, т. е. лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние;

возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ). В результате изменений, внесенных Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ, публично совершенные действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоин-

ства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, переведены в разряд административных правонарушений (ст. 20.3.1 КоАП РФ). Преступными они признаются лишь в случае их совершения лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года (ч. 1 ст. 282 УК РФ) либо при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч. 2 ст. 282 УК РФ.

В приведенных примерах замена «обычного» состава преступления на состав с административной преюдицией позволила гуманизировать уголовный закон, снизить уровень его репрессивности и одновременно активизировать превентивные возможности деликтного (административного и уголовного) законодательства. Подобная законодательная практика заслуживает поддержки и может успешно использоваться во многих других случаях.

Несмотря на достаточно богатый исторический опыт использования административной преюдиции для конструирования составов преступлений, в теории уголовного права продолжают споры о юридической природе соответствующих преступных деяний. В доктрине представлены два основных подхода к решению этого вопроса: 1) преступление с административной преюдицией — это преступление со сложной объективной стороной, включающей несколько административных правонарушений; 2) в основе преступления с административной преюдицией — одно правонарушение, совершенное специальным субъектом.

Этот вопрос имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, поскольку исходя из его решения зависит уголовно-правовая оценка конкретных деяний. Знаковым в этом плане можно считать уго-

ловное дело в отношении А.Б. Боднарука, при рассмотрении которого в различных судебных инстанциях наглядно проявилось различие вышеизложенных подходов к юридической природе преступления с административной преюдицией.

15 июня 2017 г. А.Б. Боднарук был привлечен к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ за управление транспортным средством водителем, находящимся в состоянии опьянения и не имеющим права управления транспортным средством, назначено административное наказание. В дальнейшем А.Б. Боднарук дважды — 28 июня 2017 г. и 7 июля 2017 г. — допустил управление механическим транспортным средством в состоянии опьянения. Оба этих деяния мировым судьей квалифицированы как два самостоятельных преступления, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ.

Постановлением президиума суда Ненецкого автономного округа от 17 января 2018 г. приговор мирового судьи и апелляционное постановление в отношении А.Б. Боднарука в части осуждения по ст. 264¹ УК РФ по третьему эпизоду от 7 июля 2017 г. отменены, уголовное дело прекращено на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в действиях А.Б. Боднарука состава преступления. Президиум суда Ненецкого автономного округа при рассмотрении уголовного дела в кассационном порядке пришел к выводу, что квалификация действий А.Б. Боднарука как два самостоятельных преступления и назначение ему двойного наказания противоречит диспозиции ст. 264¹ УК РФ, поскольку факт привлечения к административной ответственности по ч. 3 ст. 12.8 КоАП РФ и назначения наказания вошел в объективную сторону состава преступления по событиям 28 июня 2017 г., получил самостоятельную оценку, и не подлежал учету при оценке действий при управлении механическим транспортным средством в состоянии опьянения 7 июля 2017 г., которые образуют лишь состав административного правонарушения.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора РФ выразил несогласие с постановлением Президиума суда Ненецкого автономного округа. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась с доводами кассационного представления и отменила решение президиума суда Ненецкого автономного округа, указав следующее.

Возможность привлечения к уголовной ответственности за деяние, предусмотренное ст. 264¹ УК РФ, законодатель связывает с фактом привлечения лица ранее к административной ответственности за перечисленные правонарушения, в течение срока которого это лицо считается подвергнутым административному наказанию либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4, 6 ст. 264 УК РФ либо ст. 264¹ УК РФ. Осуждение лица по ст. 264¹ УК РФ не приостанавливает и не прерывает срок, в течение которого лицо считается подвергнутым административному наказанию. ...В этой связи управление лицом несколько раз автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения в период, когда он считается подвергнутым административному наказанию по ч. 1 или ч. 3 ст. 12.8 или по ст. 12.26 КоАП РФ, образует составы самостоятельных преступлений, предусмотренных ст. 264¹ УК РФ⁷.

Таким образом, высшая судебная инстанция подтвердила, что конструктивным, криминообразующим признаком состава преступления с административной преюдицией является особый статус лица, подвергнутого административному наказанию⁸, и тем самым поставила

⁷ См. определение Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ от 9 января 2019 г. № 63-УДП18-3.

⁸ Этот статус конкретизируется посредством обращения к нормам и институтам административного права. Согласно ст. 4.6 КоАП РФ лицо считается подвергнутым административному наказанию со дня вступления в законную силу постановления о на-

точку в теоретическом споре относительно юридической природы соответствующих преступлений. Соглашаясь с этим решением, которое, безусловно, имеет прецедентное значение, отметим, что законодатель, конструируя состав преступления с административной преюдицией, устанавливает уголовную ответственность не за два административных проступка, а за одно деяние, формально соответствующее составу административного правонарушения, которое совершено административно наказанным лицом. При использовании анализируемой юридической конструкции первое административное правонарушение характеризует не объективную сторону преступления, а специфический статус субъекта преступления — его административную наказанность. Иными словами, преступление с административной преюдицией — не арифметическая сумма двух административных правонарушений, а одно нарушение, совершенное специальным субъектом⁹.

Позитивно оценивая возвращение административной преюдиции в уголовное право, нельзя не отметить, что используется эта юридическая конструкция недостаточно системно. Конституционный Суд РФ, подтвердив ее конституционность, особо подчеркнул, что введение уголовной ответственности с использованием административной преюдиции допустимо лишь при условии, «если она эквивалентна характеру и степени общественной опасности подпадающего под нее деяния, не влечет избыточного уголовного принуждения и не приводит к отступлению от принципов равенства, соразмерности и справедливости» (постановление КС РФ от 10 февраля

значении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

⁹ См.: Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2018. С. 149.

2017 г. № 2-П). К сожалению, законодатель не всегда учитывает перечисленные требования к криминализации деяний, используя административную преюдицию для установления уголовной ответственности за деяния, которые с точки зрения степени общественной опасности не дотягивают до преступлений. В частности, в научной среде высказываются вполне обоснованные сомнения в целесообразности установления уголовной ответственности за неоднократную незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Представляется, что противодействие этому деянию можно успешно осуществлять посредством административно-правовых мер воздействия, не прибегая к уголовной репрессии.

Немало нареканий вызывает и технико-юридическое изложение уголовно-правовых запретов, основанных на административной преюдиции. В существующих составах преступлений с административной преюдицией системность законодательных подходов не прослеживается. Это проявляется: в использовании несовпадающих приемов изложения уголовно-правовых запретов (однократная, двукратная, трехкратная административная преюдиция, административная преюдиция с признаком сопряженности); в необъяснимой дифференциации сроков (от 180 дней до одного года), в течение которых повторение нарушения административно наказанным лицом влечет уголовную ответственность; в отсутствии единообразного описания признаков субъекта преступления («лицо, подвергнутое административному наказанию», «лицо, привлеченное к административной ответственности»). Отмеченные технико-юридические недоработки затрудняют практическое применение уголовно-правовых норм, сконструированных с использованием административной преюдиции, и снижают их эффективность.

В некоторых случаях рассматриваемая юридическая конструкция не согласована с уголовно-правовым институтом судимости. Критической оценки в этом плане заслуживает ст. 158¹ УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, предусмотренное ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. Определяя в качестве специального субъекта указанного преступления лицо, административно наказанное по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ, законодатель забыл о лицах, имеющих судимость за хищения. В результате мы имеем довольно парадоксальную ситуацию: лицо, административно наказанное по ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ за кражу в размере от 1001 до 2500 руб., повторно в течение года совершившее кражу в том же размере, будет привлечено к уголовной ответственности по ст. 158¹ УК РФ, а если повторная кража имущества стоимостью до 2500 руб. совершена лицом, имеющим судимость за хищение, то состав преступления, предусмотренного ст. 158¹ УК РФ, отсутствует. Представляется, что этот пробел требует устранения. Ориентиром в этом отношении может служить ст. 264¹ УК РФ, в диспозиции которой в качестве субъекта преступления указано не только лицо, подвергнутое административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения, но и лицо, имеющее судимость за совершение преступления, предусмотренного ч. 2, 4 или 6 ст. 264 УК РФ.

Следует подчеркнуть, что обозначенные законодательные просчеты, допущенные при конструировании составов преступлений с административной преюдицией, не умаляют несомненных достоинств этой

юридической конструкции. Административная преюдиция при умелом ее использовании — весьма эффективный инструмент, обеспечивающий согласованное действие смежных предписаний деликтного административного и уголовного права,

позволяющий осуществлять «точечную», адресную профилактику противоправного поведения. А потому он должен занять достойное место в арсенале технико-юридических средств реализации уголовной политики.

Библиографический список

Безверхов А.Г. Возвращение «административной преюдиции» в уголовное законодательство России // Российская юстиция. 2012. № 1.

Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1982.

Овечкина Е.В. Административная преюдиция как средство криминализации и декриминализации в уголовном праве России // Закон и право. 2009. № 5.

Проблемы квалификации преступлений: монография / под ред. К.В. Ображиева, Н.И. Пикурова. М., 2018.

Тарбагаев А.Н. Административная ответственность в уголовном праве // Правоведение. 1992. № 2.

Чикин Д.С. Сложные единичные преступления (уголовно-правовая характеристика, проблемы квалификации и законодательного конструирования): дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013.

Ямашева Г.В. К вопросу о восстановлении института административной преюдиции в уголовном законе // Журнал российского права. 2009. № 10.

References

Bezverkhov A.G. Vozvrashchenie “administrativnoy preyuditsii” v ugovolnoe zakonodatelstvo Rossii. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2012, no. 1.

Chikin D.S. Slozhnye edinichnye prestupleniya (ugolovno-pravovaya kharakteristika, problemy kvalifikatsii i zakonodatelnogo konstruirovaniya). Cand. diss. Krasnodar, 2013.

Kovalev M.I. Prestuplenie i prostupok. *Problemy sovershenstvovaniya zakonodatelstva po ukrepleniyu pravoporyadka i usilenie borby s pravonarusheniyami. Mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov*. Sverdlovsk, 1982.

Ovechkin Ye.V. Administrativnaya preyuditsiya kak sredstvo kriminalizatsii i dekriminalizatsii v ugovnom prave Rossii. *Zakon i pravo*, 2009, no. 5.

Problemy kvalifikatsii prestupleniy. Ed. by K.V. Obrazhiev, N.I. Pikurov. Moscow, 2018.

Tarbagaev A.N. Administrativnaya otvetstvennost v ugovnom prave. *Pravovedenie*, 1992, no. 2.

Yamasheva G.V. K voprosu o vosstanovlenii instituta administrativnoy preyuditsii v ugovnom zakone. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2009, no. 10.